УДК 321

Доманов В.Г., д.полит.н., проф.

Urbis et civis: государство и гражданское общество

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления городской культуры и урбанизации в исторической ретроспективе. Город послужил истоком европейской традиции, политического государства и гражданского общества. В статье автор приводит современный взгляд на зарождение городской цивилизации и стандартов городского самоуправления. Анализируется сущностное различие городской культуры Западной Европы и Средневековой Руси. Однако амбивалентный процесс привел к одному цивилизационному результату – становлению местного муниципального самоуправления как необходимого условия формирования системы гражданских отношений.

Ключевые слова: гражданское общество, город, урбанизация, политическое государство.

По плану «ОСТ», разработанному к 1939 г. (один из «авторов» - доктор экономики К. Майер), славянские – и прежде всего русские – земли, как ни парадоксально, должны быть лишены своей основы – городов и городской культуры, как «признаков и принципов любой цивилизации». Но так ли все здесь, в этом плане, парадоксально в исторической ретроспективе? А не была ли фундаментом нашей самоидентичности общинная организация?

Исходным пунктом данного изыскания является следующая посылка: отправной исторической точкой возникновения основ, как гражданских отношений, так и государственных прототипов послужило возникновение городов, городского уклада и городской культуры. Это – в логическом и в историческом смысле окюморон. И в этом контексте следует различать понятия урбанизации и урбанизма. В первом случае мы предполагаем процесс становления городской жизни, увеличение числа городского населения и появление территориальных центров политической власти. Во втором – принцип автономизма и самоуправления, городской культуры, а значит, центров независимости от государства – гражданского общества. Этот парадокс является креативным, как и любое диалектическое явление. Особенно это проявилось в историческом феномене средневековых самоуправляющихся городов-коммун, во многом унаследовавших традиции античной полисной жизни. В этом смысле показательны изыскания за последние 20-30 лет историков и археологов…

Городские культуры Мохенджа-Даро, Хараппы, Хатусы открытые археологами в середине XX в.; городские поселения Междуречья и Ближ-

него Востока отодвинули «нижнюю планку» возникновения городов до 10 тыс. лет. Последние артефакты, добытые израильскими, американскими и немецкими археологами, подтверждают существование на сей момент древнейшего городского поселения на месте современного Иерихона и Мегидды (ранее полагали, это Дамаск – самый древний город мира, начитывающий ок. 6 тыс. лет отроду.) Это был центр земледельческой культуры так называемого «Золотого Полумесяца» с артикулированным отделением ремесла и торговли, что доказывают добытые обрывки письменных источников, пока, увы, неподдающихся аутентичной расшифровке. Первым показателем здесь выступает наличие фундамента городских стен, что означало не только самоидентификацию по принципу «свой-чужой» (дифференциацию по родоплеменному признаку, защиту от набегов и т.п.), но и наличие центра становящейся власти. Причем первый межгосударственный договор – писаный и дошедший до нас – относится к 3270 г. до н.э. между Хеттским царством и Рамзесом Великим.

Вторым формальным критерием «civil – civitas – urbis» явилось возникновение, по убеждению Гегеля, письменной речи (в чем ни род, ни племя не нуждались при отсутствии системы налогообложения, единой финансовой системы, международных сношений и общей «мифологической автохтонной хронологии»/исторических хроник, повествующих о происхождении и историческом пути этнической целостности.) С чего, собственно говоря, и началась «всемирная история». Из этих протогородов рождалась полисная культура, о которой мы писали в других работах.

На наш взгляд, следует признать верным вывод Д. Драгунского и В. Цымбурского: «В формирующемся генотипе полиса появляется… компонент - сообщество собственников, как бы протоплазма будущего гражданского общества» [1;9]. При этом внутренняя особенность европейского типа цивилизации - разделение институтов власти и гражданского общества при автономии личности - здесь почти еще не прослеживается. Однако плодотворен и подход Р. Даля, когда он определяет полис как «...наиболее суверенную и инклюзивную ассоциацию», а государственное устройство - как «организацию полиса в том, что касается его учреждений вообще, но особенно в том, что касается специфических учреждений, являющихся во всех своих отношениях суверенными» [2; 88].

Х.Ортега-и-Гассет, рассматривая формы, предшествующие государству, называл «полис», или «город». «Город предназначен для вершения дел общественных»; это - социальное пространство для выполнения общественных функций. Именно здесь, по его мысли, человек, полностью порывая с путами зависимости от мира животного, созидает замкнутый в себе, чисто человеческий мир - сообщество граждан. Вслед за Аристотелем он считает, что «город... - это создание высшей, более сложной и абстрактной социальной единицы, чем «ойкос» (очаг) семьи. Если семья со-

стоит из мужчин и женщин, то город-республика, «политейа» состоит уже из абстрактных «граждан». Значит, делает вывод Ортега-и-Гассет, «город» с самого начала возникновения существует как государство. Сущностная черта античных «гражданских обществ» в форме полисов - в отличие от современных - замкнутость, обособленность друг от друга. Здесь правовое и политическое единство еще не требует непременной административной централизации, Поэтому общественные самоуправленческие учреждения были муниципальными, неотделимыми от города, подобно «дриадам, которые увянут, если оставят свое древо» [3; 4].

Наступление средневековья не означало полного забвения полисной организации. Это верно, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, крупные средневековые города зачастую развивались из античных городов-полисов. Во-вторых, не была утеряна и не прерывалась интеллектуальная традиция, особенно аристотелевская и платоновская, которые явились в свое время теоретическими попытками реанимации полисной жизни. С общецивилизационной точки зрения менялась лишь одна **форма**: Аристотель «примерил» тонзуру, а на городской площади средневековых городов скульптуры Зевса сменили на кресты.

Традиция автономной городской коммуны, восходящая к античному полису, «есть тот цивилизационный момент, который обеспечил в течение сотен лет преемственность развития западного общества» [4;7]. В лице средневекового вольного города-коммуны перед нами выступает вторая форма исторического существования гражданского общества. В общем, и целом, социальная жизнь средневекового города тоже синкретична. Не тождественность гражданской и политической жизни носит, скорее, внешний характер, в виде социального противоречия «город-феодал», «город-суверен» (особенно ярко это проявилось в начале XIV в. в Альбигойских войнах), как конфликт авторитарного политического управления и муниципального самоуправления городов-коммун. Даже в период сильных тенденций централизации в Европе оставались «островки» такого самоуправления – «порто-франко» (Ганзейский союз, города Ломбардии, Венецианская и Генуэзская республики, Псков и Новгород), где действовало так называемое «магдебургское право». Входя формально в политические структуры того или иного государства (**«диффузная государственность»**, типичная для эпохи средневековой раздробленности), в делах местного самоуправления, а зачастую и внешних сношений, город оставался, автономен, выступая для феодального сеньора, скорее, союзником-сувереном, нежели подданным.

Городское самоуправление было сосредоточено в руках выборного муниципалитета; сам город делился территориально на кварталы, улицы, «концы»; социально-экономически на цехи, корпорации, гильдии. Подобное деление не просто упрощало процесс управления, но и отража-

ло социальную стратификацию в городе. Цех, гильдия, корпорация - образования и территориальные, и социально-профессиональные, и экономические. Не следует забывать и тот факт, что интеллектуальным центром становящегося «городского общества» были средневековые университеты, как средоточия «дозволенного свободомыслия» и даже политической оппозиционности (в тогдашней Руси их роль и функцию выполняли монастыри, начиная со времен Климента Смолятича и Даниила Заточника).

Если в Западной Европе первым гражданским сословием было население вольных городов (исторический прообраз «третьего сословия»), то в России издавна города возникали на землях феодалов - князей как их «стольные города», имевшие целью защиту от набегов кочевников. Чтобы выжить под бременем государства и внешней угрозы, российское общество искало свои пути самоорганизации, основу которой составлял сословный, общинный коллективизм. Все жили вплоть до 1917 г. общинами/сословиями - крестьянскими, дворянскими, военными, церковными, национальными, казачьими, купеческими. В России не государство, а «общины» брали на себя функции социальной защиты индивида. Поэтому общинная мораль была всегда выше общегражданской. Сословность и корпоративность российского общества была той социальной скрепой, на которой держалась и государственность, и само гражданское общество.

Однако именно в западноевропейских городах зарождаются и начатки партийной борьбы (например, в городах Ломбардии между гвельфами и гибеллинами).

В средние века отдельный человек не мыслил себя вне экономической, социальной, культурной, религиозной и иных сфер, вне своего социального статуса и ролевых функций, которые, в свою очередь, составляли неразрывное целое с государством, с властной системой, и все важнейшие области общества были пронизаны государственным началом (в значительней степени персонифицированном), ведь господствующая религиозная идеология представляла государство как высшее воплощение божественного в земном, а суверена - помазанником божьим (в чистом виде указанное свойство раскрыто в Папском государстве, где власть духовная и светская слиты буквально в одном лице.)

Можно согласиться с мнением, что при феодализме само общество носило политический характер. Здесь важнейшие институты человеческой жизни - собственность, организация труда, семья и пр. - в форме феодального владения землей, сословий, корпораций приобрели статус элементов государственной жизни. В этих условиях индивидуальные члены общественного целого не могли создать развитую частную сферу - этого минимума гражданского общества. Их судьба была неразрывно связана с коллективом или социальной группой, к которой они принадлежали по рож-

дению. Феодально-корпоративная кастовость, безусловно, затрудняла свободное развитие начал гражданской жизни.

Но столь же верно утверждение, что в средние века все отношения и институции в обществе имели гражданский смысл.

В этих условиях средневековые города имели право самостоятельно объявлять войну, заключать мир, чеканить свою монету, определять налоги и таможенные сборы. Самоуправляющиеся города-коммуны обладали собственным судом, финансами, военными ополченцами (или наемниками-кондотьерами), правом самообложения. «Городской воздух делает свободным», - гласила средневековая мудрость. При этом цех являлся и военной организацией, участвовавшей в охране города, несении патрульно-сторожевой службы и выступавшей как отдельная боевая единица городского ополчения в случае войны. Цех имел своего святого-покровителя, День которого он праздновал; свои церкви или часовни, являясь своеобразной первичной ячейкой религиозной организации. Цех являлся и организацией взаимопомощи для своих членов, обеспечивавшей их за счет вступительного взноса, штрафов и иных платежей.

Жизнь средневековых горожан была столь же синтетична, что и у граждан полиса. Интересы целостности превалируют перед потребностями отдельного лица. Поэтому в границе города собственность в большой мере обобществлена (общие земельные выгоны, пастбища, ратуша и собор, рынок, муниципальные постройки). Следующий уровень собственности в городской (муниципальной) общине, - корпоративная собственность сословий, цехов, корпораций и гильдий. Все остальное – домашние владения и земля под ними, огороды, хозяйственные постройки, и пр. – отчуждено (в немецком феодальном праве было даже сформулировано понятие Privateigentum) - в личную/частную собственность. Существенным отличием городских отношений собственности от классически-феодальных являлся ее подвижный, текучий характер (собственность как деньги, или капитал), что способствовало безболезненному завоеванию капитализмом городских стен. Не случайно, что **капитал** в своей первичной – денежной – форме возникает именно там, а первые банки – в ломбардских и южнофранцузских городах. Там же зарождаются и мануфактуры, как прообразы будущих «Maschinerie».

Политическая жизнь средневекового города отмечена острой партийной борьбой в основном между плебсом и патрициатом. П.И. Кропоткин в свое время подчеркивал: «В вольных городах борьба партий шла для завоевания и сохранения свободы личности, за принцип федерации, за право свободного союза и совместного действия; тогда как государства воевали из-за уничтожения всех этих свобод, из-за подавления личности, за отмену свободного соглашения, за объединение всех своих подданных в одном общем рабстве перед королем, судьей, попом, т.е. перед государ-

ством» [5; 422]. А в работе «Взаимная помощь как фактор эволюции» он показал, что государство не полностью вбирало в себя общественную жизнь даже в докапиталистическом обществе. Поэтому не только сам капитализм зародился в таких городах, но и политическая жизнь в виде борьбы партий/фракций*.

Известный американский социолог Ш. Эйзенштадт [7; 45] доказал, что неразвитость государственных структур в средневековой Европе - одно из условий формирования социальных предпосылок гражданского общества. А «нормальное» развитие азиатского типа государства (с сильной степенью централизации) блокирует социальную дифференциацию: развитие городов, классов, меньшинств, науки. В этом смысле фактор феодальной раздробленности может быть оценен как чрезвычайно благоприятствующий созданию предпосылок зарождения основ гражданского общества. А деспотизм возникает (при отсутствии гражданского общества) при чрезмерной мобилизации сил общества для решения крупномасштабных задач: постройка пирамид в Древнем Египте, Великой Китайской Стены, ирригация в Месопотамии, коллективизация и индустриализация в СССР, прокладка автобанов в гитлеровской Германии и т.п.

Таким образом, в Европе с раннего средневековья VШ - IX в.в., отвоевывая свободу у баронов, возникал иной, нежели в государстве, уклад жизни - зародыш и основа будущего гражданского общества классического капитализма XIX века. Неслучайно Д. Локк полагал., что латинский термин civitas – «государство» не передается английскими community - «община» и citty – «город» (в XVII веке). К XIV в. каждый восьмой житель Западной Европы жил в городах. Но «черная смерть» 40-50- х г.г. века резко изменила эту демографическую пропорцию и, с одной стороны, привела к постепенной отмене крепостного права (что известно по английским хроникам конца XIV - начала XV в.в.), а с другой – к становлению гражданско-правовых отношений между работниками и работодателями (выходить на барщину для феодалов стало просто некому).

Становящиеся гражданские общества того времени по своей сути были мононациональными, охватывающими лишь пределы этой страны, чему соответствовали процессы становления суверенных/централизованных национальных государств и национальных рынков. В том смысле «государство-нация» означает национальное сообщество, т.е. тип государства, рожденного в средние века**, но до сих остаю-

---

* Достаточно вспомнить только политическую панораму, описанную Н. Макиавелли в «Истории Флоренции».

** С точки зрения автора, политическое государство в современном его виде зарождается только, начиная с Нового времени, т.е. с эпохи Реформации. Именно в это время зарождаются институты публичной политики – парламентаризм, партии, выборность власти, толерантность, принцип « право выше власти».

щимся наилучшим образом интегрированным и высокоорганизованным. (По М. Дюверже[9; 145], «государство-правительство» означает управителей, руководителей этого национального сообщества). Но именно национально - историческая определенность гражданского общества с его глубокими национальными корнями делает его этносом (по Л.Н.Гумилеву - «суперэтносом»), народом.

Начало этого процесса ознаменовано появлением личности гражданина – «самоуверенного» члена гражданского общества, основывающего свой статус на правовом, а значит – общепризнанном, институте частной собственности.

Если полис (архетип, прообраз и прототип гражданского общества) и вольный город-коммуна - лишь «островки» независимой гражданской жизни своей эпохи, то всеобщее пространство свободы может дать только развитое, структурированное и массовидное гражданское общество; оно и складывается – но уже на своей собственной основе - в Западной Европе в Новое время. Всеевропейская известность «Декларации прав человека и гражданина», а на этой основе Code Civile Наполеона, подкрепленная мощью колонн наполеоновской армии, помогла европейцам лучше усвоить отличия «гражданина» от «подданного». Впрочем, в Англии уже в 1679 г. был принят закон о неприкосновенности личности – Habeas Corpus Act. (Хотя история знала и «чистые гражданские общества»; такова, например, безгосударственная Исландия эпохи саг (VIII-XI в.в.), которую заселили норвежцы, уплывшие от сильной королевской власти Олафа Святого. Именно здесь они достигли долгожданного консенсуса по поводу норм, регулирующих имущественные и иные отношения.) Да и современную Швейцарию можно назвать «полным политическим государством», только из боязни обидеть другие народы.

Любое микрососообщество в рамках целостности более высокого порядка - гражданского общества - по своей структуре не обязательно повторяет и воспроизводит в деталях макрососообщество. Оно может образовывать и иное, специфическое сочетание структурных элементов и качество их связи, чем общенациональное гражданское общество.

В Докладе ООН 26. 02. 2008 сделан смелый прогноз: в текущем году, т.е. в 2009 более половины населения Планеты будет проживать в городах (СССР, кстати, преодолел эту «планку» к середине 60-х г.г. XX в.) Так ли это в 2012 г. и стал ли урбанизм принципом общецивилизационного, а значит, гражданского развития? Возможно, скоро узнаем.

В исторической ретроспективе дихотомия «государство – гражданское общество» сходятся в момент их зарождения. Такова городская цивилизация. Она приходит на смену трайбалистской организации общества. А в обозримом историческом будущем гражданская и городская культуры суть одно и то же. Это и есть феномен окюморона.

Литература
1. Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации // Полис. 1991. № 1.
2. Человек и общество // Социально-политические науки. 1991. № 7.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс// Вопросы философии. 1989 - № 3, 4.
4. Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации// Полис. 1991. № 1.
5. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия.// Кропоткин П.А. Сочинения. - М.- 1990.
6. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М., 1999.
7. Дюверже М. Политические партии. М., 2000.

УДК 327

Петрова С.В., докторант

Геоэтнополитические детерминанты на постсоветском пространстве Северного и Южного Кавказа

Успех развития Северного и Южного Кавказа возможен только при раскрытии всего геоэтнополитического капитала региона с его уникальной евразийской ментальностью и культурно-историческим основанием. Это означает переосмысление в рамках геоэтнполитического знания имеющегося отношения к цивилизационному и антропокультурному наследию народов этого макрорегиона.

Ключевые слова: детерминации, цивилизация, геополитика, этнополитика, евразийская ментальность, культурно-исторические традиции Кавказа.

На современном этапе геополитические интересы практически всех стран мира стали одними из основных движущих сил в современных политических процессах. Коренное изменение миропорядка и геополитической ситуации после прекращения идеологического противостояния двух социальных систем происходит на фоне повсеместного усиления угроз экспансионизма, сепаратизма, национализма, международного терроризма. Это все актуализирует необходимость обновления идейно-теоретических и методологических основ исследования геополитических позиций основных политических субъектов, как власти, так и оппозиции. Политический процесс выстраивается на определенных этапах в соответствии с фиксированными геополитическими интересами, которые в современных условиях становятся важными факторами, детерминирующими характер отношений между государствами, связанных с решением территориальных и ресурсных проблем. Важным направлением геополитики в глобализируемом мире становится внутренняя геополитика, т.е. совокупность целей, принципов и направлений деятельности субъектов политики на субнациональном (внутригосударственном) уровне. В совре-